

RU

Образ будущего в условиях постправды

Мозжилин С. И., Рязанов А. В.

Аннотация. Цель исследования - выяснение причин появления понятия постправды в современном гуманитарном дискурсе в контексте образа будущего. Авторы обращают внимание на внутренние факторы, способствовавшие ее появлению и укоренению в российской научной среде, а также указывают на причины, которые способствовали ее популяризации. Научная новизна статьи заключается в междисциплинарном рассмотрении вопроса с привлечением трудов современных российских и западных специалистов, кроме того, впервые осуществлена попытка увязать образ будущего с проблематикой постправды и культурных идеалов. Особое внимание в статье уделено особенностям использования понятия постправды на российской почве. В результате исследования делается вывод о причинах отсутствия общего образа будущего в российской действительности.

EN

Future Image in the Age of Post-Truth

Mozhilin S. I., Ryzanov A. V.

Abstract. The study aims to determine reasons for emergence of the concept of post-truth in the modern discourse pertaining to the humanities in the context of the future image. The authors focus on the internal factors that contributed to its emergence and rooting within the Russian scientific community and also highlight the reasons that contributed to its popularisation. Scientific novelty of the article lies in interdisciplinary consideration of the issue with involvement of works written by the modern Russian and western experts; moreover, it is the first time that an attempt is made to link the future image with problems of post-truth and cultural ideals. Special attention is paid to peculiarities of using the concept of post-truth in Russia.

Введение

Актуальность исследования. Проблематика постправды в последнее время часто появляется в современных медиа и научной литературе гуманитарной направленности. Связанный с ней образ будущего является важным элементом, формируемым в соотнесении с изменениями в коммуникативной сфере современного российского общества.

Согласно поставленной цели авторами решался ряд задач: 1) выявить причины укоренения понятия постправды в дискурсе современной России; 2) показать связь данного понятия с образом будущего как воплощением культурного идеала; 3) отметить главную причину отсутствия образа будущего в современной российской действительности.

Теоретическая база исследования. Исследование выполнялось на основе междисциплинарной парадигмы, включающей: культурологические подходы (Б. В. Межуев [6]); социологические и социально-философские подходы (И. В. Глушко, Н. Н. Ростова, С. Фуллер [3; 8; 10]); коммуникационные (З. Бауман [1]); лингвистические, подчеркивающие определяющую роль при этом языка, дискурса (Дейк Т. ван [4]). Синтез разных подходов позволил представить авторское видение анализируемых в статье проблем.

Методы исследования. Авторы использовали общенаучные методы познания общественных явлений (анализ, аналогия, сравнение, индукция, дедукция, предположение и прогнозирование), системный подход, в рамках которого образ будущего предстает как некоторый проект, поддерживаемый организованной и динамичной группой интересов. Исторический и социально-философский подходы способствовали рассмотрению образа будущего в широком гуманитарном контексте.

Практическая значимость работы. Исследование может иметь теоретическое и практическое значение для специалистов, занимающихся составлением опросов с целью исследования особенностей ментальности. Также статья может быть использована при подготовке спецкурсов по социальной философии, социологии и психологии, в которых затрагиваются вопросы, сопряжённые с факторами формирования образа будущего.

Дискуссия о путях развития

Есть ли у России какой-либо самостоятельный путь? Насколько уникальна культура России? Есть ли какой-либо код, определяющий уникальную направленность её развития? Дискуссия по поводу этих вопросов имеет длительную историю. Особую значимость они обретают в современных условиях глобализации мировой экономики: России необходимо занять достойную экономическую нишу. Безусловно, дискуссии по вопросам уникальности и универсальности развития того или иного государства всегда имеют идеологическую подоплёку. И это вполне нормально, поскольку нет и не может быть абсолютно беспристрастного исследователя, полностью отстранённого от каких-либо идеологических установок, связанных со своими личными представлениями о прошлом, сути происходящего и видением будущего. Собственно, банально говорить о том, что в спорах и рождается истина. И как бы мы ни относились к дебатам по поводу особенностей культурно-исторического развития России, они всегда значимы, так как от них отчасти зависит направленность дальнейшего развития государства. Ведь во многом эволюция общества зависит от личностей, имеющих способности и волю к убеждению окружающих в истинности своих воззрений. Потому всегда дискуссии о специфике и перспективах развития государства влекут за собой размышления по поводу истины. В этой связи весьма актуальной в настоящее время является философская дискуссия по поводу постмодернистского понятия «постистина».

Наглядно, что все культурные эпохи, впрочем, как и отдельные типы культур, характеризуются господствующими идеалами, которые определяют направленность развития культуры, побуждая вытеснять из сознания все несоответствующее их требованиям. Вполне очевидно, что нравственные нормы могут действовать лишь до тех пор, пока идеалы, на которые ориентируются адепты культуры, остаются притягательными и не вызывают сомнения. Со временем некоторые предыдущие нравственные нормы, как и идеалы, становятся неприемлемыми: то, что когда-то было свято, становится предметом нечистого, иронии и аморализма, вместе с этим изменяется и ментальность общества. Исключение не составляет и Россия: очевидно, что её история сопряжена со сменой нескольких культурных эпох. Но как выделить идеалы, определяющие нравственные нормы предыдущих эпох, не совершая переносы современных нравственных установок? Вообще, каким образом и кто может сказать правду о прошлом? Либо следует признать, что никто не может претендовать на истину, а есть лишь некая «постправда»?

Хотя идеалы культуры каждый человек воспринимает индивидуально, индивидуальное восприятие всегда содержит черты, характеризующие культуру, к которой принадлежит личность. Черты эти, прежде всего, проявляются в этике. Потому, безусловно, код цивилизации в первую очередь проявляет себя в этике. Как замечает А. В. Шипков, «вспомним классическое веберовское определение сущности западной цивилизации Нового времени: “Протестантская этика и дух капитализма”. И зададимся вопросом: веберовское определение – это разве не определение цивилизационного кода? По всей видимости, да» [11, с. 31]. Но заметим, что этика со временем меняется и тому есть много причин, связанных с социально-экономическими, политическими и другими культурными изменениями. К тому же подчеркнём, что этика меняется не сама по себе, а изменяют её люди. При этом главную роль в смене этики играют волевые личности, становящиеся образцами поведения, на которые ориентируются нравственные нормы. Поэтому вряд ли мы можем, следуя автору, уверенно утверждать, что во многом русский цивилизационный код определила «православная этика и дух общинной солидарности» [Там же], ведь код культуры – это алгоритм, заданный волевыми личностями, ориентирующими общественное большинство на свои представления о должном во взаимоотношениях. Православие же есть религиозная форма закрепления идеала христианской культуры, коим является Иисус Христос, и интерпретаций рекомендуемых им норм поведения.

Безусловно, современная российская этика одним из источников имеет православные идеалы культуры, но надо признать, что дух общинной солидарности вряд ли играет существенную роль в настоящее время, а, следовательно, не стоит особо уповать на его значимость в будущем. Пожалуй, для части общества он утратил первостепенное значение еще во время церковной реформы и одновременного с ней закрепощения крестьян в XVII веке. Конечно, в старообрядческих общинах, организованных на принципах братства Христова, предполагающих безоговорочную взаимопомощь, он играл позитивную роль, позволяя общинникам быть независимыми и жить в достатке. Но после революции о нем остались лишь воспоминания. Вообще наивно считать, что дух какой-либо общинной солидарности может играть существенную роль без взаимовыгодных условий существования общинников. Касаемо православия заметим, что советские идеалы, ориентирующие на исполнение морального кодекса строителя коммунизма, не отрицали нравственные нормы православия, как, впрочем, и вообще общехристианские ценности, об этом весьма справедливо заметил и Президент РФ В. В. Путин в документальном фильме «Валаам»: «Были совсем жёсткие богоборческие годы, когда уничтожали священников, разрушали храмы, но одновременно ведь создавали и новую религию. На самом деле, коммунистическая идеология очень сродни христианству. Свобода, братство, равенство, справедливость – это все заложено в Священном писании, это все там есть» [2]. Также надо признать, что движение к коммунизму не противоречило установке Иисуса Христа на утверждение Царствия Божьего на земле. Заметим, что в российской культуре крепко закрепились идеалы, ориентирующие на справедливость в распределении благ, равенство и другие гуманистические ценности, и возможно в этом и заключается её главная особенность.

Конечно, при построении социализма в нашей стране были определённые издержки, но сама идея справедливого общества не была в одночасье надуманной, она является одной из основополагающих идей христианства,

несмотря на то, что реализовать её пытались с отвержением религии. И как можно идею построения подобия Рая на земле называть: «...сектанство, ересь, хилиазм» [10, с. 31], если она продиктована главным идеалом христианской культуры Иисусом Христом? Вряд ли обычные православные люди в большей своей массе вникали в особенности православных и иных канонических интерпретаций Библии, но рекомендациям Иисуса Христа следовали. Прежде всего, это касается того, как и чему надо молиться. Иисус Христос вполне однозначно рекомендовал: «Молитесь же так: Отче наш сущий на небесах! Да святится имя Твоё; да придет Царствие Твоё; да будет воля Твоя и на земле как на небе...» (Мф. 6:9). О том, что эту молитву прекрасно знали практически все православные люди, свидетельствует устойчивый фразеологический императив: «Выучи как Отче наш!», хотя мы не можем быть уверены, что современные россияне, считающие себя православными, в подавляющем большинстве знают молитву «Отче наш». Во всяком случае, в настоящее время по этому поводу нет достаточно скрупулезных социологических исследований. Имеются лишь данные социологических исследований, свидетельствующие о том, что 68% россиян считают себя православными, при этом верят в Бога только 30% [3, с. 244].

Надо признать, что в настоящее время несколько наивно надеяться на какие-либо патриархальные особенности русской души, которые спасут от разрушения традиционных ценностей, происходящего в европейской культуре, как полагают некоторые исследователи [6, с. 43]. Время неумолимо рушит традиционные ценности и в Европе, и в России, а мы по инерции продолжаем апеллировать к ним, как будто они составляют часть нашего настоящего. Возможно, отчасти и составляют, но это касается скорее старой России, но не России новых поколений, для которых характерна преимущественная ориентация на индивидуалистические ценности и достижительская психология. Пришло время постправды – активно продвигаемого понятия, которое стало интенсивно осваиваться современной гуманитарной наукой.

Время постправды

«При оперировании словом “постправда” делаются различные акценты. В одном случае, как в приведенном определении, говорится о доминировании эмоций над фактами. В другом случае – о стирании границ между правдой и вымыслом и о состоянии самообмана в сартровском понимании этого феномена, когда человек и целое общество живут в самообмане, одновременно нечто зная и скрывая это от себя. В третьем случае речь идет о проблеме дезинформации. В четвертом – о цифровой эпохе, задающей нечеловеческую скорость чередования событий, в которой невозможно успеть отличить истину от лжи. В пятом – об “информационных пузырях”, в которых каждый из нас находится наподобие узника камеры виртуального заключения» [8, с. 131-132].

Строго говоря, термин «постправда» может использоваться в разных контекстах и не имеет строго определенного значения. Причем человек при его понимании отталкивается от слова «правда», которое понимается носителем русского языка и культуры определенно, как «то, что есть». Следовательно, «постправда» может быть интерпретирована как «то, чего нет» или как «ложь». Таким образом, при столкновении с этим термином человек понимает, что речь идет не о «правде». Он может быть в замешательстве и не понимать, с какой целью другой использовал это понятие, и какой конкретно смысл он в него вкладывал, но чувствовать какой-то подвох. Так, его следует понимать контекстуально и, в целом, использование данного термина не способствует росту взаимопонимания, а скорее затемняет реально существующую ситуацию, делает невозможной ее однозначную атрибуцию.

Проблема постправды имеет и философское, и идеологическое, и культурное измерения и контексты. Они далеко не всегда могут быть уловимы для даже для подготовленного человека, тем более если речь идет о человеке не особо искушенном. Н. Н. Ростова отмечает, что рассматриваемое понятие получило распространение в XXI веке: «...доминирующая тенденция в философии XX-XXI вв. направлена на то, чтобы преодолеть Истину. Вместе с решающим тезисом Ницше о смерти Бога в философии возникают идеи смерти Автора, смерти человека и смерти Субъекта, конца метанарративов, философии, метафизики, истории, искусства, религии, науки, музыки и слова. Наступает время “слабых структур”, преодолевающих жесткие метафизические структуры и, как следствие, идеологические. Бог умер. Истины нет» [Там же, с. 131].

Актуализация данного понятия совпала с кризисным временем в развитии гуманитарного познания – временем постмодернизма. Оно не предназначено для фиксации и обозначения чего-то четкого и определенного. Оно призвано подчеркнуть подвижность, релятивность, «слабую структурность» рассматриваемых явлений. «У постмодернистов нет другой альтернативы, кроме как предлагать, чтобы, ведя публичные дебаты в политическом и академическом пространствах, мы старались отдавать себе полный отчет в том, что не существует такой вещи, как неискаженная перспектива. Не существует непринужденной силы чистого разума или идеальной речевой ситуации, взгляда ниоткуда или вневременного, не обусловленного исторически ответа; на большинство вопросов нет единственно правильного ответа. Существует множество различных и конкурирующих верований и практик, и мы должны предпринять все мыслимые усилия, чтобы дать им место, позволить цвести всем цветам» [5, с. 202].

Очевидно, что рассматриваемое понятие в ряду многих других не имеет целью прояснение истины относительно чего бы то ни было, а предназначено для достижения ситуативно необходимых инструментальных целей. Что же может быть такой целью? Создание ситуации, в которой бы была возможность эффективно (с наименьшими издержками) преподнести некоторую информацию, которая не соответствует актуальным интересам слушателя, но не вызывает у него отрицательного отклика. Над созданием таких понятий трудятся особые люди – мастера дискурса, целью которых является снижение «сопротивления среды» и привлечение

на свою сторону, агрегация сторонников такого подхода. Хорошо подобранная сеть таких понятий, увязанных в одну систему, ведущая к единой цели, может помочь продвижению в жизнь (реализации) той или иной идеи. То, как это может происходить, хорошо показано в книге С. Фуллера [10].

Исследователь пишет, что «философы утверждают, что ищут истину, но на самом деле это не так уж очевидно. Их можно также считать наиболее опытными экспертами по миру постистины. Они видят в “истине” то, чем она и правда является, а именно название бренда, вечно нуждающегося в продукте, который купит каждый. Это помогает объяснить, почему философы увереннее всего апеллируют к “Истине”, когда пытаются убедить нефилософов, например, в судах или учебных аудиториях» [Там же, с. 52].

Постправда и образы будущего

Тот же автор во введении к своей книге, отмечая роль Парето в становлении постистины, отмечает постоянное противостояние «львов» и «лисиц»: «С его точки зрения, социальный порядок является результатом взаимодействия элит двух типов, которых он называл, следуя в этом за Макиавелли, львами и лисами. Оба вида торгуют постистиной. Львы рассматривают общепринятое в статус-кво понимание прошлого в качестве надежного основания будущего, тогда как лисы считают, что статус-кво поддерживает порочное понимание прошлого, которое мешает достижению лучшего будущего» [Там же, с. 13].

Последствием изменений в коммуникативном пространстве является технологизация производства и потребления информации, в результате «массовая фабрикация вещей и событий приводит к тому, что люди становятся одинаково открыты всем возможным историям, всем возможным эпохам, всем возможным мирам – всему, кроме самих себя. Мы вынуждены знать больше, чем нужно, жить чужими жизнями, испытывать на себе опыт чужих переживаний. Сеть как условие свободного высказывания становится инструментом учреждения действительности: в Сети немногие интересны многим, а многие – никому неинтересны, следовательно, степень реальности у обитателей Сети разная; немногие действительны, а многие – недействительны» [7, с. 316]. Власть стремится контролировать «фабрикацию вещей и событий», а ее представители «имеют доступ к бесконечно широкому и разнообразному спектру дискурсивных ролей, жанров, условий и стилей» [4, с. 50-51], используемых для продвижения нужного им контекста.

В такой ситуации в российском обществе не может быть ясного образа будущего, так как имеются противостоящие центры интересов, которые по-разному представляют будущее страны. Справедливости ради, нужно отметить, что таких центров может быть и больше двух. Будущее России не предопределено, могут быть реализованы разные его проекты. З. Бауман, описывая современную ситуацию, скептически замечает об органах власти, что «по-видимому, нет никакой надежды на государственные учреждения, призванные обеспечить уверенность и безопасность» [1, с. 199].

Заключение

Таким образом, в современной России, отягощенной массой проблем различного происхождения: экономических, политических, национальных, демографических и т.п., таких образов будущего может несколько. Конкурирующие его проекты борются между собой в дискурсивном и физическом пространстве, идет конкуренция программ, партийных и социальных групп между собой и внутри себя. Есть группы, ориентирующиеся на внешние центры интересов. Поскольку конкуренция идет и в коммуникативном пространстве, то особое внимание уделяется подбору команд, написанию программ, тщательному оформлению проектов, оттачиванию необходимых лозунгов, определению целевых аудиторий, разработке PR-стратегии. Следовательно, учитывая вышесказанное, в современной России отсутствует образ единого будущего. Главной причиной этого является одновременное наличие в ней нескольких проектов, каждый из которых потенциально может быть воплощен в жизнь. Вместе с тем активнее становится идеологическая борьба. Весьма справедливо по этому поводу замечание А. В. Рубцова: «Идеологический маятник раскачивается с максимальной амплитудой и небывалой в истории частотой» [9, с. 27]. Но заметим, несмотря на множество видений перспектив будущего России, насущной остаётся проблема формирования наиболее общего образа будущего, способствующего сплочению нации. Банально говорить, что в таком образе должны присутствовать компоненты, удовлетворяющие не отдельные социальные группы, а общественное большинство. Всякий честный гражданин должен видеть в нём достойное существование: и своё, и своих потомков. Такой образ не может быть сформирован с позиции постправды. Для его создания необходимы чёткие, понятные даже неискушенным в изысках философских словесствований людям положения о том, как человек должен жить, трудиться, сотрудничать с другими людьми, дабы жить стабильно и достойно. Перспективой дальнейшего исследования должен стать поиск общих оснований образа будущего.

Источники | References

1. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. «Валаам». Документальный фильм Андрея Кандрашова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rfQZWXqd2kM> (дата обращения: 25.05.2021).

3. Глушко И. В. Доверие и недоверие как социальные практики российского общества. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2016. 280 с.
4. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
5. Капуто Дж. Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. 2011. № 3 (82). С. 186-205.
6. Межуев Б. В. Есть ли у России свой «цивилизационный код», и в чем он может заключаться? // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 35-43.
7. Очеретяный К. А. Фейкт - единица цифрового опыта // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей / отв. ред. Л. В. Шиповалова, С. И. Дудник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2020. С. 309-324.
8. Ростова Н. Н. Философская аналитика идеи постправды // Христианское чтение. 2018. № 4. С. 130-137.
9. Рубцов А. В. Превращения идеологии. Понятие идеологического в «предельном» расширении // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 18-27.
10. Фуллер С. Постправда: знания как борьба за власть / пер. с англ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. 363 с.
11. Щипков А. В. Понятие «код» в рамках современного цивилизационного подхода // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 28-34.

Информация об авторах | Author information

RU**Мозжилин Сергей Иванович**¹, д. филос. н., доц.**Рязанов Александр Владимирович**², д. филос. н., доц.¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского² Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина - филиал РАНХиГС**EN****Mozhilin Sergey Ivanovich**¹, Dr**Ryazanov Alexander Vladimirovich**², Dr¹ Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky² Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of RANEPА¹ mozhilinsi@list.ru, ² alexandr.ryazanov@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.05.2021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): образ будущего; постправда; культурные идеалы; коммуникация; дискурс; future image; post-truth; cultural ideals; communication; discourse.